

Дмитрий Володихин

Война обреченных

Дмитрий Михайлович Володихин

Война обреченных

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171143

Аннотация

«...льше всего на свете я ценил возможность пересчитать вечером наличные, часов в восемь или девять, и убедиться, что на кабак хватает. На сегодня. И на завтра. И на послезавтра. И еще денька на три-четыре. А потом пойти в кабак и медленно нажираться, наблюдая за разными людьми. Поразмышлять о том, о сем, припомнить старые деньки и обязательно нажраться. Не до белой горячки, конечно. Домой-то меня никто не отвезет, я один живу, и приятелям берлогу свою засвечивать не желаю...»

Дмитрий Володихин

Война обреченных

...льше всего на свете я ценил возможность пересчитать вечером наличные, часов в восемь или девять, и убедиться, что на кабак хватает. На сегодня. И на завтра. И на послезавтра. И еще денька на три-четыре. А потом пойти в кабак и медленно нажираться, наблюдая за разными людьми. Поразмышлять о том, о сем, припомнить старые деньки и обязательно нажраться. Не до белой горячки, конечно. Домой-то меня никто не отвезет, я один живу, и приятелям берлогу свою засвечивать не желаю... Но очень прилично. Как молодой. Когда ты молодой, тебе, по большому счету, на все насрать. И ты, по большому счету, ничего не ценишь. Вот я и люблю – почувствовать себя молодым.

Можно, конечно, склеить девочку. Если не лень. Обычно – лень. Так называемая «приличная женщина» – большая обуза. Терпеть ее выкрутасы, так это нужно ангельское терпение... Все мужчины – ангелы. Кроме тех, разумеется, которые бьют своих баб смертным боем или вообще убили их к едреням. Это просто – обычные, нормальные мужчины. И они предпочитают не возиться, а покупать девочек. Самая главная женская эrogenная зона – кошелек. Чуть пощекочешь их в этом месте, и сразу возбуждаются... Поэтому, если мне не лень, я покупаю шлюшку и развлекаюсь с ней. И

никогда не пытаюсь, как говорят, «завести знакомство». То есть посадить пухлую задницу себе на шею. А с девочкой все проще: сунул денюжат, сунул кой-чего еще, вынул кой-чего еще, чмокнул на прощание и дал под зад коленом.

Но обыкновенно не хочу я никакую бабу. А хочу тихо-мирно выбрать свой градус, закусить, как положено, и добраться до дому.

А дома меня ждет Обормот. Старый, ласковый котище ангорской породы, белый-белый, просто чудо какое-то, ни единого пятнышка, предан мне как собака. Бабла я в него бухнул – прорву. Стервец того стоил. Обормот – единственная сволочь на свете, к которой я относился с уважением. Кажется, он тоже меня уважал. Кто их разберет, этих котов, хитрые твари, хитрые до жути, уважают они тебя, или только делают вид, а за спиной у тебя посмеиваются и рассказывают друг другу анекдоты о хозяевах. Не знаю я. Да хоть бы он и рассказывал обо мне какую-нибудь похабелю, мне наплевать. Мы прожили с Обормотом душа в душу восемь лет или вроде того. Он мне как брат. Член семьи, в общем. Это такая скотина, что... не знаю, в общем, что, но за душу берет. Вот мы сидит летом на кухне, солнце снаружи падает пятнами, я, значит, в одном пятне – сижу, газету читаю, кресло подо мной, и он, значит, в другом пятне – посреди стола улегся, на старой, читаной газете, жмурится, паразит. Кого нам еще? Чего нам еще? Мы довольны. Солнце, на солнце пылюка плавает, мы сыты, делать нам нечего, все отлично.

К чему нам баба? Одно лишнее беспокойство.

Но жизнь это такое причудливое дерьмо с затеями, что обязательно сунет тебе под нос именно тот загибон, от которого тебя особенно воротит.

Тут, на Кауре, в мою четверку вербовщики подкинули самую омерзительную стерву, какую я только видел за всю жизнь. Хуже наказания не припомню. Один раз мне заказали черножопого, мелкого ларечника, дерьмо. А потом сдали меня. С потрохами сдали. И вся его черножопая родня за мной шарилась, моими же яйцами меня накормить обещали... Вот тогда было с полгода такой мороки. То есть сравнимо. С этой рыжей Настей, стревозой, и с теми азерами...

* * *

У таинов бойцы делятся на четыре ступени. В смысле, я видел своими глазами и точно знаю четыре ступени. Первая ступень у них самая простая. Обычные люди. То есть среди людей обычных у них встречается, значит, разное дерьмо. Вместо башки – бугор и на нем два десятка глаз. Это конгот называется. Или – лицо человеческая, а тело от сколопендры. И ядом брызжет. Злая гадина, я таких в первую очередь отстреливал. Это браго называется. И не поймешь – он это, она или оно. Или худой, как водомерка, с длинными руками, обалдеть, какие руки длинные, просто рехнуться можно... Пращик у таинов. Свинцовые шарики мечет.

А называется таргун. И его даже сами таины не любят, говорят, мол, буйный, дурной, своих запросто зашибить может. Ну, тут не Земля, тут своих много кто может зашибить... А в целом, все бойцы их первой ступени – просто срань. Как раз в силу обычных людей. Новобранцев. Ими толчки оттирать хорошо, да и только. Всеми этими. Первой ступени. Мы их между собой зовем – «обычные люди», значит, не опаснее обычных людей. А по нам так и просто брос.

Три раза мы их долбали всерьез. К началу месяца Радуг мы оттеснили паршивцев к самой Земляной Язве, откуда они повылезали.

Думали, все, кранты, добьем чуток, возьмем плату по контрактам, и домой, спускать деньжонки. Кое-кто стгоряча остаться хотел. Живчик, например. Живчик всегда был долдон-долдоном, дурья башка.

А потом... всех раскладов мы еще не знали.

В общем, у самой Земляной Язвы, на Великих Мхах, прямо посреди болота они нам дали бой. Откуда столько «обычных людей» нагнали, я не знаю. Целые толпы ломили безо всякого строя. Народ вокруг меня психовать начал. Убивать устали. Они там прут, таины эти, а ты только успевай на спусковой крючок жать и заменять пустой магазин на полный. Сколько мы на Великих Мхах боеприпасов растратили – страшно вспомнить. И все, блин, зря... Ну, этого мы еще не знали.

Сначала княжеская дружина побежала. Крепкие там бы-

ли ребята, ничего не скажешь, всегда в черных латах ходили, здоровые, топоры у них боевые – с непривычки и не поднять... Но их мало оказалось для такого дела. А ополчение вольных городов – просто сброд. Вареные раки. У кого что. Копья, мечи, а кто-то и просто с дубьем. Они в самом начале капитана своего подрезали, он им к шлюхам по ночам не давал ходить. Подрезали и очень веселились. А потом их самих резать начали, как котят слепых, значит. Пятнадцать минут ополчение не стояло, растеклось, как вода.

Остались только мы, наемники с Земли, да шаманы их. В смысле, каурские, княжеские. Шаманов тут море, всех сортов, и черные, и белые, и серые, и цветные, и мужчины, и женщины, и люди, и не совсем... Что они выкаблучивали, жутко вспомнить. Молниями таинов жгли, бурю насылали, мох вполне пешеходный в трясины превращали, огонь вызывали из земли, зомбей в бой бросали. И мы тут же, рядом, поливаем всю эту дикую толпю свинцом. Хошь калибра 7.62, а хошь 5.45, а хошь 5.56, а хошь 9.00, а хошь 12.7 – были и такие умельцы. Гранаты мечем, из подствольников работаем, кое-кто миномет наладил... Без нас бы всех шаманов местных покрошили. Точно говорю, выжали бы из них дерьмецо с кровью, ни один бы не ушел. И молнии бы не помогли, и зомбя, подавно, не помогли бы.

Когда на тебя фаланга Серебряных прет, копья выставив, на железного ежа похожая из себя, страшно только дураку не сделается. Ты, понятно, расстреливаешь ее, а к тебе бан-

да конготов спешит. А потом конные лучники. А потом Белые Колпаки, насылают какое-то жгучее комарье, от которого потом кожа корками покрывается... А ботом загоновый клин браго. А потом просто люди. Люди и люди. Только все – с булавами, а из них торчат цельные лезвия ножей. А потом опять конница, вся в броне, сверкает, не всякая пуля возьмет...

Так и дрались. Мы с шаманами – посередине, за баррикадой, за валом, вал наскоро сообразили прикопать... А они – вокруг и отовсюду. Нас всех вместе – человек пятьсот. А их – тысячи и тысячи, может, десятки тысяч.

Я боялся: отстреляем боезапас и все, каюк.

К вечеру, однако, силенки у них кончились. Шабаш. Некого под пули подставлять. Поубивали мы их силу.

Я собираю своих. Живчик тут, целехонек. Рябой тут, жив-здоров, только ухо левое в клочья порвано. А Макар-то где? Где Макар?

Ну, нашли мы его. В горле – стрела. Мандец Макару.

Думали схоронить, как человека, но тут шаман пришел, из старших, нет, говорит, ни-ни. Все трупье в кучу собрали и магическим огнем сожгли. Готово дело.

Сидим, отдыхаем. Молчим. Жалко мне Макара. Вообще, народ в четверке нормальный подобрался. Рябой – еще пацан совсем, двадцать лет ему, странный, свихнутый малость, зачем он сюда полез? Крест на шее. Наколки уголовные на руках. Хорошие наколки, авторитетные. Вот молодая зона. А

вот взрослая. Отрицаловка. Побег. Статья за разбой. А только я чувю, зря он со шпаной связался, другой человек. Порода не та. Мазтью не вышел. Днем убивает, ночью плачет... Живчику лет – под пенсию. Жадный до усеру. Брагу местную жрет только в компании, чтоб свои, значит, не спускать. Шлюху купил и бабла ей пожалел, они за это дело полночи ругались и дрались. Но человек тихий и мирный. Зря кипижей не устраивает. Макар – тот был моих годов. Спецназовец какой-то, хрен их разберет. Офицер. Семейный человек, детей завел. Детей, говорит, завел, а денег на них нету. Дети – большая растрата. Точно. Затем и я себе детей не хочу. Я ему говорил: «Ты, дурень, зачем детей завел? Да еще без бабла на кармане?» А он мне: «Мосел, да скучно как-то. Без детей. Как без детей жить?» Я ему: «Да так и жить. Нормально. Себе в удовольствие». А он мне: «И-и-эх! Ты не понимаешь». Хрен с ним, может я чего и не понимаю. Макар человек был обыкновенный, вежливый, работающий, кашеварил в свою очередь, как надо. Лучше всех он кашеварил. Бабло местное, золотой песок, менял в вербовочной конторе на баксы и домой посылал. В хорошей драке спину всегда прикроет. И не боялся ничего. То есть ни разу я не видел, чтоб он испугался чего-нибудь. Наверное, хорошо прятал. Потому что нет человека, который бы совсем ничего не боялся, это я уж наверняка знаю.

Раз, и нет Макара. Был да весь вышел. И мы молчим по нем.

Даже жрать не хочется. Никто готовить не стал, а я не стал никого заставлять.

Ближе к полночи мы спать наладились. Надо поспать. Завтра может все нынешнее пырялово по новой пойти.

Тут к нам тот самый шаман идет. Ведет бабу. Подводит.

– Куликов, эта будет у вас. Была старшая над... над... четыре. Теперь она будет в твою четыре. Понимаем?

Не русь, блин. Все наш язык корежит.

– Понимаем.

Шаман ушел.

– Я Валентин Куликов, твой новый командир. Назовись.

Девка не торопится. По всем ее движениям, по всей ее повадке видно – нравная. Высокая. Кудрявая. Назавтра, при нормальном свете, я еще увижу, что вся она белая, то есть кожа очень бледная, а волосы – рыжие.

– Ты Мосел, я тебя знаю. А я Настя. Ростовская. Земляков нет? Ну ладно. Здравствуй, старички. Дайте пожрать.

Я разозлился. Какого хрена? Борзота неопишная.

– Мослом ты меня будешь называть, Настя, когда я тебе разрешу. А пока я для тебя – господин капитан. В драке – просто капитан. Хочешь жрать – приготовь сама. Как раз очередь была того трупа, вместо которого тебя привели. Рябой, покажи ей, где харчи и где котелок.

– Дерьмо вы все. Баба к вам пришла, а вы...

– Заткнись.

Готовить она в ту ночь ничего не стала. И хорошо. Я по-

том понял, через трое суток, как хорошо, что она тогда не взялась, блин, готовить...

Легли мы. Караульных соседи наши поставили. До утра все тихо было.

За чуть до рассвета слышу, Живчик скулит. Громко, сволочь, скулит, спать не дает. Гляжу, скрючился, яйца свои оглаживает, и рожа разбита, из носа кровь хлещет. Глядит на меня, как псина, которой под зад сапогом дали.

Ну, блядь, началось, думаю.

* * *

На следующий день не нашли мы таинов в Великих Мхах. Ушли таины. Хорошо же.

Княжеская дружина вернулась. Ребята из Морского братства подошли из Хандака. Хорошие ребята, а при них еще баллисты на возах. Боеприпасы и жратву нам подвезли.

Мы зачистили Великие Мхи. Потом Проклятое поле зачистили – аж до самого вала, который таины вокруг Земляной язвы нарыли. Я сам не видел, нас позже на Каур привезли, но, говорят, эта погань, как из земли полезла, первым делом вал нарыла. Крепость, значит. Там, наверху, штандарты их стоят, флажки всякие, шлемы поблескивают, ровно бутылочное стекло или фольга. Ублюдки и падаль. Макара убили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.